

85.39 (=438)68

,13

-66286

ВАСИЛИИ ДАВЫДОВ-АНАТРИ

**МИТТА
В МОЕЙ ПАМЯТИ**

Национальная библиотека ЧР

k-066286

«Необратим удел земной.
И я уйду, Васyleй.
А ты наш долг перед Булой
Храни в душе своей.»

Васyleй Митта, 1956
(Дарственная надпись на книге «Кёмёлтан»,
подаренной автором В. Давыдову-Анатри)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я родом из села Большие Арабузи (ныне Первомайское) Батыревского района. Здесь же родились и выросли братья Митта. Митта — известная фамилия в чувашской литературе. Но написано о братьях немного, серьезного исследования их творчества или даже просто полного жизнеописания нет. Я близко знал этих талантливых людей, мне посчастливилось встречаться и общаться с ними. Поэтому хочу рассказать об этих встречах хотя бы вкратце. Моя книга — не научный труд критика-литературоведа и не работа биографа. Я пишу воспоминания.

Отец именитых братьев Митта Егор Григорьевич жил крестьянским трудом. Не только не чурался никакой работы, но и умел выполнять самую тяжелую работу легко, как бы играючи. Он знал очень много народных песен, любил петь. Когда в 30-х годах учитель Тайбинский А.Т. организовал хор, ставший впоследствии известным на всю республику, Егор Митта, разменявший к тому времени седьмой десяток лет, выступал в этом хоре. Сохранилась фотография, сделанная после выступления хора на чебоксарском радиофестивале. Егор Митта — моложавый, крепкий старик — на ней рядом с Тайбинским.

Немногословный, сдержанный, Егор Григорьевич любил и пошутить. Его внук Вингер Митта в своих воспоминаниях пишет: «В молодости Егор приучил своего коня трогаться с места только после того, как он ему насвистит плач невесты

из свадебного обряда. Понятно, что никому, кроме хозяина, не удавалось сдвинуть лошадь с места».

Из тех же воспоминаний следует, что этот малообразованный чуваш (расписываться и читать по слогам он научился уже после революции) чтит народную педагогику. Так однажды его сын Василий, будущий поэт, попросился с вечера ехать с отцом на дальний базар. Отец обещал. Но ехать туда — вёрст пятнадцать. Трогаться в путь надо еще затемно. Утром родители пожалели будить сына: пусть поспит... Но маленький Василий, проснувшись, очень обиделся, что отец не сдержал слово. В сердцах взял палку и поразбивал стекла в окнах. Вернувшийся с базара родитель не стал ни ругать, ни упрекать сына: насвистывая под нос любимую мелодию, он принялся стеклить окна...

Старший в семье Илья родился в первом браке Егора Григорьевича (1901). Участвовал в Гражданской войне, вступил в партию, работал учителем, затем стал сотрудником райкома партии. Оказал большое влияние на своих братьев, старался как можно раньше приучить их к чтению, дать образование. Как и его старший сын (Александр, 1924), Илья сложил голову в Великой Отечественной войне.

Старший из детей во втором браке — Василий Митта, известный поэт. Его имя в чувашской поэзии ставят после имен классиков — Константина Иванова и Михаила Сеспеля. Поэтическое наследие Василия Митты вошло в золотой фонд чувашской литературы. Между тем прожил он недолго (1908—1957) и семнадцать лет из своей недолгой жизни провел в тюрьмах и лагерях. Человек, мечтавший о возможности служить родному народу как о самом большом благе, был объявлен «врагом народа» и насильно отлучен от творческой деятельности. Это ли не горькая гримаса судьбы...

Педер Митта (1910) — талантливый прозаик и фельетонист. Литературной работой занимался по ночам, днем были другие заботы: совсем еще юношей его выбрали председателем только что созданного колхоза. В те бурные годы эта работа была не только напряженной, но и опасной. Удивительно, как

этот молодой человек успевал не только справляться со своими обязанностями, но и писать. Его рассказы и фельетоны на самые злободневные темы регулярно печатались в местных и республиканских газетах. По художественному уровню и приемам Педер Митта в своем творчестве сродни Зоценко. Персонажи, обрисованные яркими и лаконичными средствами, были легко узнаваемы. Но и автору от них доставалось: узнав себя, иные неприглядные «герои» старались отомстить. Так, на моей памяти, подожгли дом, в котором Педер жил с семьей и родителями.

Позже Петр Егорович работал в газете «Канаиш», служил в Красной Армии, учился в Москве, преподавал в лесотехническом техникуме в Мариинском Посаде. 22 июня 1941 году подал заявление в Марпосадский райвоенкомат о вступлении в ряды Красной Армии. Получил повестку, но забрали его не на фронт, а в тюрьму и далее выслали на Урал в лагерь. Клеймо «врага народа» не миновало и его. С Урала он уже не вернулся. Погиб в январе 1944 года в Невьянском лагере под Свердловском.

Иван Митта родился в 1915 году. В литературу вошел под псевдонимом Иван Ара. Писал стихи, рассказы, фельетоны. Перевел на чувашский язык роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Роман был издан в тяжелом 1941 году небольшим тиражом — видимо, из-за нехватки бумаги. Иван закончил педагогический техникум, в 1939 году ушел на службу в Красную Армию. С первых дней войны в звании сержанта сражался на передовой. В последнем письме матери в 1942 году написал, что стал старшим лейтенантом. В том же году был тяжело ранен при обороне Кавказа и 8 октября умер от полученных ран в госпитале. Захоронен в селе Гойтос Туапсинского района Краснодарского края.

Яков Митта (1917–1931) был моим близким другом и одноклассником. Это был талантливый мальчик, даже в своей незаурядной семье выделялся поэтическими способностями. Писал стихи, несмотря на юные годы, активно участвовал в общественных и сельскохозяйственных работах. Это фамильная

черта всех Митта — они не умеют делать что-либо в полсилы, образно говоря — гореть в полнакала. Что бы они ни делали, чем бы ни занимались — всегда все делали в полную силу, на совесть, выкладываясь всем сердцем. Даже в повседневной работе. Во время жатвы Яков наравне со взрослыми возил снопы, закидывал их в скирды. Детский организм не выдержал, надорвался. Умер он на операционном столе.

Николай Митта (1923) — самый младший из братьев. Учился в Чебоксарском театральном училище. Писал стихи, работал в газетах «Коммунар», «Самрэк большевик». В суровую зиму 1941—1942 г. работал на сооружении укреплений на Суре. Стихи, написанные в этот период, поражают глубиной чувств, философским пониманием судеб Отчизны. Весной 1942 года он ушел на фронт, погиб в боях за освобождение Северного Кавказа.

Талантливым братьям была уготована на редкость не простая и не долгая жизнь. Так и хочется сказать, что талантливый род был срублен под корень жестокой эпохой. К счастью, Василий и Педер успели обзавестись семьями, порадоваться рождению детей. Все дети выросли людьми достойными, нашли свое место в жизни. Я бы хотел сказать здесь несколько слов о Вингере Митта, сыне Педера. Это глубоко порядочный, энциклопедически образованный человек, блестящий знаток литературы. В свое время он с отличием окончил Казанский университет, но категорически отказался от заманчивых для молодого человека предложений, сознательно выбрал судьбу сельского учителя. И никогда не жалел о своем выборе. Друзья же литераторы всегда жалели, сокрушались, что он пытается держаться подальше от литературы, уговаривали писать. Потому что многие до сих пор помнят его очерк в журнале «Таван Атӑл» «Путешествие по Кавказу», напечатанный еще в середине 50-х!. Написать так мог только очень одаренный человек, а зарывать талант в землю — вроде бы грех... Но Вингер Митта выбрал свой путь. Или судьба отца и его братьев наступила Вингеру на сердце?..

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Большие Арабузи широко и привольно раскинулись вдоль левого берега Булы. Родимое село! Глаз не оторвешь от твоей красоты, особенно в летнее время. Длинные, прямые улицы обсажены по обеим сторонам ветлами и тополями. Издалека даже кажется, что это маленький город. С двух концов к околицам села подступают небольшие леса. Восточный лесок именуют Малти хырай (Передний бор), а западный — Кайри хырай (Задний бор).

Раньше на Çимёк (Троицу) в этих лесах на больших полянах собиралась молодежь. Водила хороводы, затевала игры. Радовали душу красивые и мелодичные песни чувашских девушек. На этих праздниках я часто видел Васyleя Митту. И всегда он был в плотном кольце деревенских парней. С молоком матери впитав в себя народную речь и родные напевы, Митта очень рано, еще в отроческие годы, начал писать стихи. Взволнованно и ярко звучали они в исполнении самого юноши-поэта. Не зря молодежь уверяла, что когда Васyleй вступает в круг, хоровод становится краше.

В школе я учился в одном классе с младшим братом Василия Егоровича — Якку. Как и старший брат, Якку писал стихи и частенько помещал их в школьной стенгазете.

Как-то раз в класс вместе с учительницей Агрипиной Матвеевой зашел Василий Егорович. Его внимание привлекла наша газета. По видимому, она ему понравилась и меня, как редактора, он подозвал к себе.

— Молодцы, ребята. Чувствуется, делаете газету с большой любовью. Поэтому она у вас интересная получается.

Я весь зарделся от смущения и не смог вымолвить ни слова. Василий Егорович продолжал:

— Только зря вы стараетесь писать длинные статьи. Предложения в тексте должны быть как можно короче, но каждое слово должно нести в себе мысль. И не забывайте, что сатира, юмор — лучшее украшение газеты.

Чувашский язык и литературу у нас вела молодая учительница Нонна Кирилловна Еремеева. Очень скромная, красивая, стройная девушка. Как и Василий Егорович, она училась в Симбирском

педагогическом техникуме. Мой отец, работавший тогда школьным сторожем, говорил:

— Я этой молоденькой учительнице Нонне Кирилловне удивляюсь: она с деревенскими людьми как с родными беседует. Эта девушка способна понять и радость, и горе.

Как-то по школе разнесся слух, что Нонна Кирилловна выходит замуж. Всем деревенским не терпелось знать, кто жених и откуда он родом. Прошло совсем немного времени, и мы узнали, что Нонна Кирилловна стала женой Василия Митты.

СВАТ ЯГУР

Отца поэта мы звали сват Ягур — Егор, значит. Он был близок с моим отцом. Они частенько захаживали друг к другу.

Однажды ранним зимним утром, задолго до рассвета, сват Ягур подъехал на дровнях к нашему дому. Оказывается, накануне приятели договорились ехать вместе в лес.

Перед тем, как сесть в сани, сват с отцом разговорились, и сват Ягур произнес, можно сказать, пророческие слова:

— Мы с тобой своих детей в люди вывели. Ни за твоего Максима*, ни за моего Васyleя не стыдно и людям в глаза посмотреть. И выучились они, и в комсомоле первые. Максим и Васyleй, я думаю, никогда не уронят нашей чести, не запятнают своих имен...

Митта Егор Григорьевич (Гриша Якурё)
в возрасте 80-и лет. Фото 1936 г.

* Давыдов Максим Иванович окончил Казанский институт лесного хозяйства, первым из уроженцев Б. Арабузей получил диплом инженера.

Сам сват Ягур был в деревне человеком видным. Несмотря на преклонные годы, работал в колхозе, своей деликатностью и обходительностью служил примером для других.

В ТЕМНУЮ НОЧЬ

Вспоминается сложное время становления колхозного строя. Деревенские богатеи всячески противились коллективизации. Им противостояли активисты. Такими активистами в нашем селе были Васильей и Педер Митта. Фактически они и явились организаторами первого колхоза. Я сам не раз слышал их пламенные речи на деревенских сходках. Сельчане любили и уважали братьев. Многие из них пошли за ними. Педер Митта стал первым председателем колхоза «Красный луч». Этот молодой парень в своих страстных речах умел находить точные и нужные слова.

Вполне естественно, что кипучая деятельность Педера вызывала бешеную злобу богачей и их приспешников. Они искали только случая, чтобы отомстить семье Митты.

И вот однажды ночью неожиданно раздались тревожные звуки колокола. На нижней улице полыхал пожар. Весь народ хлынул туда. Оказывается, горел дом Егора Митты. Вскоре занялась пламенем и соседняя изба. Помню, как надрывно рыдала соседка:

— До чего дожили, без дома остаемся... Что нас еще ожидает, какие напасти?..

Все вокруг успокаивали ее, как могли. Помню слова Педера:

— Не плачь, тетушка. Коли будем живы, добрые люди нас в беде не оставят. Встанем еще на ноги. Построим новые дома...

Он оказался прав. Колхозники не оставили погорельцев наедине с большой бедой. Вскоре на месте пожарищ поднялись добротные избы. Несчастье не отворотило людей от колхоза, напротив, сплотило их.

КРЕСТ НА МОГИЛЕ

1931 год. Теплые солнечные дни. Я в гостях в деревне Тугай, что расположена в двенадцати верстах от Арабузей. Здесь живет моя тетьа.

То ли оттого, что я люблю тетю Калюк и дядю Тимуша, их деревня мне тоже дорога. В ней много садов. И каждый год я здесь досыта наедаюсь яблок и ягод. К тому же, здесь живут мои друзья по веселым детским забавам: Молокины, Скворцовы, Соловьевы... Пробыл в гостях дня три. И еще бы пожил, но помнил наказ матери: «Долго не гости, сынок. Дома дел много. В огороде надо прополоть. Стадо пасти очередь доходит...» Да и сердце словно что-то почуяло, было не на месте, рвалось домой. И только я показался на пороге, ко мне кинулась мама, вся в слезах:

— Эх, сынок, сынок, не успел ты малость. Да и не знал, поди. Позавчера схоронили Якку, твоего дружка-одноклассника.

Я был поражен. И моему горю не было границ. Якку действительно был мой самый близкий друг. Мы сидели с ним за одной партой, вместе выпускали стенную газету, читали друг другу свои стихи...

Я тут же отправился на кладбище. И очутился перед свеженасыпанной могилой. На дубовом кресте надпись: «Митта Яков». Долго простоял я, опустив голову. Теплый ветер тихо шевелил волосы, словно пытаясь развеять мое первое недетское горе...

На следующий день нас, комсомольцев и учителей, собрали в здании новой школы. Среди молодых учителей заметно выделялась фигура Василия Егоровича. Обсуждали его поступок. Один из учителей резко высказался в его адрес: «На похороны ученика нашей школы Якку собралось много народа. И школьники, и учителя, и родственники, и односельчане. Неожиданно из сарая вынесли большой дубовый крест. Я был потрясен: как же так? Мы хороним активного пионера, сына колхозника, брата поэта-комсомольца, наконец. И вдруг крест?!»

Разговор о кресте, который поставили на могилу Якку, затянулся надолго. Но вот дали слово Василию Егоровичу.

— Друзья, — обратился он к собранию, — мои родители — люди неграмотные. Они всю жизнь верили в Бога, детей, как было принято, крестили в церкви. Поэтому не надо удивляться, что они захотели похоронить любимого сына с крестом. Я никак не мог пойти против их воли... У нас огромное горе. Вы должны понять мое состояние и не усугублять его...

Но, видимо, переубедить зачинщиков разноса так и не удалось. Вскоре после этого собрания Василий Егорович с Нонной

Кирилловной были вынуждены покинуть Арабузи. Они перебрались учительствовать в Абамзу. Многие школьники и учителя, провожая их в лесную глушь, жалели о вынужденном расставании и просили не забывать старых друзей.

ВЕЧЕР МОЛОДЕЖИ

Темная осенняя ночь. В школе полным-полно народу. Сегодня здесь будет концерт сельской молодежи. Но вот открылась дверь, и в класс вошел молодой человек в пальто и черной шапке.

— Митта из Чебоксар приехал, — зашушукались стоящие рядом парни и девчата.

Смотрю — и вправду Василий Егорович. Его сразу же окружили, засыпали вопросами.

— Давайте попросим Васyleя почитать свои стихи, — предложил кто-то.

Митта согласился, поднялся на сцену, прочитал несколько стихов. Потом начался концерт. Юноши и девушки читали стихи, басни. Моя школьная любовь Марине своим чистым и звонким голосом спела песню «Пчелка золотая». А ее подруги Васса Котлова и Ангелина Турхан прекрасно исполнили свадебную песню низовых чувашей. Дошла очередь и до меня. Я с воодушевлением прочитал стихотворение своего любимого поэта Педера Хузангая «Марш автономии». Слушателям, видимо, понравилось мое чтение — хлопали они дружно.

После концерта Василий Егорович подозвал меня к себе и сказал: «Молодец, хорошо читаешь. Когда приеду в Чебоксары, передам поэту, что у нас в деревне его знают и любят».

МАТЁРНЕ АППА

Мне часто приходилось бывать в доме свата Ягура. Однажды Педер Митта пригласил меня к себе. Их дом стоял в нижней части главной улицы, в самом конце. От дома к реке Буле тянулась маленькая улочка, вернее, переулок. И вот я в доме Митты. Педер читает свои рассказы, а я сижу и диву даюсь: как мог самый обыкновенный с виду

человек написать так здорово? В это время в избу торопливо вошла мать Педера, Матёрне аппа. Видимо, она возилась в огороде, в руках у нее ведро с картошкой. Увидев меня, она приветливо улыбнулась:

— У нас гости, оказывается. Это хорошо. Вот я вам сейчас сварю молоденькой картошки.

Это была на редкость обаятельная женщина. Я не раз слышал, как сельчане называли ее красавицей Матёрне.

Педер с увлечением продолжал читать свои рассказы. Тем временем в котле попевала картошка, и приятный аромат разнесся по избе.

Вскоре тетя попросила нас прервать чтение и выставила на стол большую чашу с дымящейся картошкой.

— Давайте, сынки, присядем вместе, пообедаем. Грех отпустить гостя без угощения.

Какой это был славный человек! Светлый образ Матёрне аппа до сих пор хранит моя память.

Василий Егорович при встречах частенько заводил разговоры о матери:

— И откуда в нашей маме все это? Откуда в неграмотной деревенской женщине столько любви, нежности, умения сопереживать?.. Как, наверное, болело ее бедное сердце, когда меня сослали в лагерь. В тюрьме у меня в обоих легких открылись каверны, и она сумела прислать тогда несколько литров лошадиного жира. Это и спасло мне жизнь.

ИЛЛЕ ПИЧЧЕ

У братьев Митта был сводный брат Илья — Илле пичче. Я его знал еще будучи школьником. Одно время он работал в Арабузях избачом. В те годы я был секретарем сельской комсомольской организации и поэтому постоянно общался с ним по работе. Деревенские ребята обычно все вечера проводили в избе-читальне. Илле пичче делился с нами своими жизненными наблюдениями, помогал в организации спектаклей, концертов. Наставляя нас, молодых, он стремился пробудить интерес к учебе, и в качестве примера приводил своих братьев Васyleя и Педера, которые в то время заканчивали техникумы и уже приобщились к литературному творчеству. Илле

пичче не раз устраивал для нас вечера поэзии, на которых звучали стихи Сеспеля Мишши, Семена Эльгера, Педера Хузангая и других чувашских поэтов. Как сейчас вижу Илле пичче, горячо и страстно декламирующего свои любимые стихи перед односельчанами.

Василий Егорович в своей автобиографии с большим уважением отзывается о своем брате: «В детстве больше всех вдохновлял меня на учебу старший брат Илья. Илья — коммунист с 1918 года. Он многое повидал в жизни, участвовал в империалистической, Гражданской войнах. И погиб в боях Великой Отечественной, в 1941 году».

Светлый образ Илле пичче и поныне живет в благодарной памяти моих односельчан.

Илья Митта (Григорьев).
Фото 20-х гг.

МОЙ ДРУГ ИВАН АРА

Как-то собрался я за грибами и, направляясь по главной улице Арабузей в сторону леса, повстречал Ивана Митту.

Он окликнул меня. Мы разговорились, и вместо того, чтобы идти в лес, я направился к нему в гости. Когда мы сидели и беседовали, я поинтересовался:

— Как ты нашел такой необычный псевдоним — Ара?

— Здесь нет ничего странного. Фамилия Митта стала слишком распространенной, в нашей семье оказалось много пишущих, — улыбнулся Иван. — Вот я и придумал себе псевдоним — Ара. А заимствовал его из названия нашей деревни. Смотри — Арабузи, а теперь откинь все буквы, кроме первых трех... Кажется, наши пращурьы переехали в эти места с берегов реки Ара. Так старики говорят. Вот бы заняться этой темой, изучить все как следует. Может, и дойдут когда-нибудь руки.

Иван Митга (Иван Ара).
Фото 30-х гг.

— Ловко! — заметил я. —
Далеко ходить не пришлось, что
называется, под носом нашел.

— Да, — рассмеялся Иван, —
а теперь оцени мою работу.

Он стал зачитывать отрывки
из перевода романа Ж. Верна
«Дети капитана Гранта». Как раз
в это время Иван переводил
популярную книгу на чувашский
язык.

— Вася, а я ведь и стихи пишу.
Но они мне не нравятся.
Сравниваю их со стихами Васyleя
и чувствую, насколько они пресные.
Нет, не буду их читать...

Иван поначалу работал в
районной газете в селе Батырево, а
затем — в журнале «Капкӑн» в Чебоксарах. В то время на страницах
газет и журналов часто встречалось имя Ивана Ары.

Как и все братья, Иван обладал необыкновенно живыми глазами
и располагающей улыбкой. Он был черноволосый, высокий, стройный.
Как добрый товарищ, всегда старался поддержать и приободрить
меня. Я до сих пор благодарен ему за его советы.

*Ты мой друг, Иван Ара,
Когда я тебя вижу,
Мне становится так радостно,
Что кажется,
Сердце готово выпрыгнуть из груди...
Всегда б с тобою вместе быть,
Чтоб славу языка хранить,
Возвысить имена отцов,
Равняясь в работе на старших братьев.*

(Подстр. перевод)

В АРАБУЗИНСКОМ БЕРЕЗНЯКЕ

В 30-е годы после весенне-полевых работ народ всех окрестных деревень собирался на веселый праздник акатуй. В Больших Арабузях акатуй проводили в березняке.

Помню, как однажды на праздник приехал из Чебоксар Васьлей Митта. С ним был Дмитрий Дубинин — нарком пищевой промышленности Чувашии. Народ окружил почетных гостей. Я и Сенин Петти, два молодых литератора, тоже попытались пробраться поближе к ним.

И вот перед нами обожаемый поэт. Он в светлом чесучовом костюме и косоворотке с чувашской вышивкой, в руках — соломенная шляпа. Идет оживленная беседа с односельчанами.

Бывают же такие люди! Их почитают все, от мала до велика. Каждому хотелось поговорить с поэтом, обменяться новостями, поделиться сокровенным. Василий Егорович никого не обходил своим вниманием, он находил общий язык и со стариками, и с молодыми, и с детьми. Его человечность, доброта, душевность проявлялись в самой обычной беседе.

Но вот к беседающим протиснулся старичок с рыжей бородкой — известный всей деревне балагур Каля пичче. Поздоровавшись с Василием Егоровичем, он приступил к очередной своей байке.

— Васьлей, дружище, на днях я зашел на ферму и слышу, как заведующий жалуется, что скотине не хватает зеленых кормов. Я и посоветовал надеть на коров зеленые очки. В таких очках даже солома покажется травой. И не надо будет заботиться о заготовке зеленых кормов.

Веселый смех прокатился по толпе.

— Все балагуришь, Каля пичче... Молодец, в жизни всегда должно быть место и шутке, и смеху, — улыбнулся поэт.

— Как же иначе. Праздник у нас нынче... Когда умрем, и трех раз никому вздохнуть не удастся, — согласился Каля пичче.

Праздник в разгаре. В толпе мелькнуло знакомое лицо. Это наш скрипач Каттис Мишши. Увидев его, Василий Егорович очень обрадовался, попросил сыграть.

Звучит скрипка. Каттис дарит всем нам старинные чувашские песни. Прекрасная музыка уносится далеко-далеко.

Митта сердечно обнимает скрипача, благодарит:

— Как проникновенны твои песни, Мишша! Сколько радости приносишь ты своей чудесной игрой!..

НАЗОВЕМ ИМЕНЕМ ПАЗУХИНА

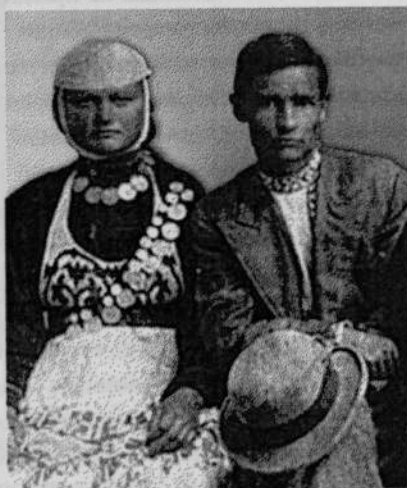
То ли в 1934-м, то ли в 1935-м году, не помню точно, в Больших Арабузах образовался колхозный хор. Руководить им взялся учитель чувашского языка и литературы Андрей Тимофеевич Тайбинский, прекрасный знаток музыки. Хор давал концерты и в соседних деревнях. Добрая молва о нем быстро разошлась по всему району и дальше, достигла Чебоксар. Для подготовки выступления хора на республиканском радиофестивале в Арабузи прибыл Василий Егорович. Он предложил присвоить хоровому коллективу имя Пазухина.

— По соседству с нашей деревней — родина собирателя народных песен Петра Пазухина. Петр Васильевич отдавал все свои силы народному творчеству. Его добрые дела должны остаться в памяти чувашей. Назовем хор именем Пазухина.

Предложение поэта было принято с радостью и участниками хора, и его руководителем.

Василий присутствовал на всех репетициях. Он всячески подбадривал и воодушевлял хористов. Мне запомнилась одна его фраза:

— Песня — душа народа. Как птица не может не летать, так и народ не может жить без песен.

Василий Митта с сестрой Александрой.
(Фрагмент фотографии участников хора
А.Т.Тайбинского.) 1936 г.

САЛАМ, АКАТУЙ!

Теплый солнечный день 1936-го года. Весенний сев закончен, и в соседних Тарханах должен состояться акатуй. Сюда съехался народ почти из всех окрестных деревень. Праздник открылся митингом. Передовики-хлеборобы один за другим выходили на трибуну с приветственными речами. Но вот ведущий праздника дал слово Василью Митге. Люди как-то сразу всколыхнулись, потянулись поближе к трибуне. Всем хотелось лучше расслышать поэта. Свою пламенную речь Митга закончил стихотворением «Парни акатуя», точно передающим атмосферу всенародного праздника:

... Вороны, рыжие!

Зубов оскал!

Вьются гривы жаркие,

Как огонь!

Погляди попристальней,

Шурсухал,

У кого из всадников

Лучше конь?

Глаза — горят,

Поступь осторожная,

Ноздри дрожат,

Предвкушая бег, —

Скакуны колхозные

Лучше всех!

Радость обжигает

Словно поцелуй,

Радостно бросается

В ноги путь.

Здравствуй,

Праздник юности,

Акатуй!

Здравствуй,

Ветер вольности,

Бьющий в грудь!

(Пер. Г. Фролова)

к-66286

Я, тогда еще молодой парень, не сводил восхищенных глаз с поэта. Между тем пожилые люди вокруг меня не переставали удивляться:

— Как складно говорит! И в то же время незатейливо, понятно. Стихи его сразу словно в душу ложатся. Оказывается, и наш чувашский язык может звучать так красиво, мощно...

С праздника я возвращался вместе с Василием Егоровичем. По дороге разговор, конечно же, зашел о литературе. Я спросил его, как появилось стихотворение «На Волге», ставшее хрестоматийным. Вместо ответа поэт замедлил шаг, начал негромко, как бы для себя декламировать это замечательное стихотворение. А потом как-то очень просто, без тени зазнайства сказал:

— Эти строки и вправду знают почти во всех чувашских деревнях.

Я был счастлив шагать рядом с поэтом и слушать его чудесное чтение. Василий Егорович обладал каким-то даром привораживать к себе людей. «Великий ум дарован этому человеку», — говорили наши сельчане.

ВСТРЕЧИ В ЧЕБОКСАРАХ

1936-й год. Я студент. Учусь в Чувашской газетной школе в Чебоксарах. Наша школа размещается в Доме печати на улице Володарского. На четвертом этаже — бильярдная. Сюда нередко заглядывают писатели, журналисты, артисты. Смотрю как-то, играет Мигта.

— Васyleй пичче, мне тоже хочется сыграть с тобой, — напрашиваюсь я к земляку в напарники.

— Пожалуйста, я готов сразиться. Только имей в виду, я не проигрываю, — смеется поэт.

Надо сказать, играл Василий Егорович с большим азартом. И вдруг, когда игра накалилась не на шутку, поэт запел старинную народную песню «Сёрен»:

*Мы прошли оврагами,
Мы прошли песочками, —
Там дорога трудная,
С ног сам медведь сбился бы!*

Эй, сестра,
Сестренка!
Где богатый дом,
Сестренка?
На закате солнышка
Повстречалась девица.
Заманить бы красную
К нам в хоровод с вечера.
Эй, сестра,
Сестренка!
Где богатый дом,
Сестренка?

(Пер. А. Глобы)

Песня такая задушевная! Очень она меня трогает и сейчас, когда ее слышу. Ведь ее пел когда-то сам Митта.

СОБРАНИЕ

В апреле 1937 года в Чебоксарах в Доме печати проходило собрание чувашских писателей. Пригласили и студентов.

Собрание было бурное. Помню, как один за другим тянулись к трибуне выступающие. Слово предоставили Василию Егоровичу. Он встал со своего места, повернулся лицом к собравшимся — стройный, темноволосый человек с необыкновенно одухотворенным лицом. На собрании были приглашенные из Москвы, поэтому поэт говорил по-русски:

— Товарищи, мое выступление будет носить строго критический характер, ибо я уверен, что только критика и самокритика — в самом лучшем их понимании — дают возможность оздоровить организацию наших писателей... Не стану говорить о том, как нужно воспитывать писателей политически и творчески, — это слово оставляю за другими, — скажу только о том, как не нужно воспитывать писательскую молодежь. С этой целью начну прямо с воспитателей и в качестве воспитывающейся стороны большей частью буду иметь в виду себя. Так будет конкретнее.

В 1927 году я написал стихотворение «Сёрёмре», которое дало повод моим товарищам обвинить меня в национализме... В этом стихотворении был поставлен вопрос о судьбе чувашского народа как нации... Вопрос был поставлен, но не разрешен. Мне, восемнадцатилетнему юноше, не под силу было разрешить этот сложный национальный вопрос. Повторяю, вопрос был поднят, поднят не зря, но ввиду политической моей беспомощности не разрешен... Кто-либо пришел ко мне тогда на помощь? Кто-либо разъяснил мне тогда сущность ленинско-сталинской национальной политики? Никто... Правда, Иван Кузнецов выступил по поводу моего «Сёрёмре» со специальной статьей, но лишь для того, чтобы объявить, что с сегодняшнего дня к лику националистов причисляется еще один «неверный», именуемый Митта, у которого «крылья подорваны революцией» (последние три слова — Кузнецова). Это был, конечно, пришибевский окрик, направленный против человека, пришедшего к нему за помощью. Человеку нужен был нашатырный спирт («Сёрёмре» по-русски — «В угаре»), а он ударил меня оглоблей по голове, тем самым вызвав еще более усиленное «головокружение»...

После выступления Митты чувашские литераторы окружили представителя из Москвы, писателя Аршаруни.

— Товарищ Аршаруни, Митта в своей речи затронул ряд насущных вопросов. Его выступление показалось мне слишком запальчивым. А вы как думаете? — спросил Василий Краснов-Асли.

— Его слова и меня заставили о многом задуматься, — уклончиво ответил Аршаруни.

В прениях отдельные выступающие отметили вредные, как им показалось, мысли в толковании поэтом Миттой национального вопроса.

В сентябре 1937 года в газете «Канаш» была напечатана статья Аркадия Эсхеля «Буржуазные националисты и их агенты». В ней по поводу выступления Митты на писательском собрании было сказано следующее: «Троцкист Краснов-Асли в романе «Тавалла» («В гору») (1930) пишет: «В деревне революции еще не было». Его прямой агент В. Митта на собрании писателей заявляет: «В Чувашской республике национальный вопрос не решен». Здесь я усматриваю одну связь, один тезис — буржуазный национализм...»

Что же на самом деле сказал Митта на том злосчастном собрании в 1937 году? Где можно прочесть полный текст его выступления? Эта мысль многие годы не давала мне покоя. Несколько раз я порывался спросить об этом у самого Василия Егоровича после его возвращения из ссылки, но так и не решился. И только в 1988 году, в октябре месяце, я ознакомился с этой речью. Ее копия, оказывается, все годы хранилась в архиве поэта, у его жены — Нонны Кирилловны Еремеевой-Митта. Хочу привести здесь отрывок из выступления В.Е. Митты по национальному вопросу на писательском собрании 11 апреля 1937 года.

«Народ, не завершивший до конца своего развития и несвоевременно, механически пришедший к этому великому акту — слиянию с другими народами — без предварительного использования всех своих прогрессивных духовных возможностей, сделает огромную историческую ошибку, он не оправдает великий смысл своего рождения и многовекового существования, он окажется дезертиром истории. Наши советские народы до соответствующего времени, конечно, этого не сделают.

Русской культуре и русскому языку, как центральной культуре и центральному языку нашей современности, мы будем учиться вместе со всеми народами нашего Союза, развивая свою социалистическую культуру, свой язык. Обогащая себя русской культурой, обогатим и русскую культуру, русский язык нашими многонациональными особенностями...

Я знаю, что меня и по сей день некоторые товарищи обвиняют в национализме только потому, что я много говорю по этому вопросу. Вопрос этот в наших чувашских условиях как следует (во всех деталях) не разрешен, о нем говорят с опаской, нечленораздельно, как бы не обвинили, дескать, в местном национализме и т.д. Поэтому в моем сегодняшнем выступлении я поставил вопрос во весь упор...

Советская власть и наша партия, предоставляя автономии народам, как бы сказали: создавайте социалистическую базу и на этой основе свободно развивайте вашу культуру, пусть в общей плеяде до конца дружественных народов каждый засверкает своим талантом, образуя совместно с другими небывалой красоты содружество талантов, пусть каждый привнесет свою лепту в будущее общество — в коммунизм.

Вопрос, кажется, ясен и не нуждается ни в русификаторских, ни в националистических толкованиях... Я критикую вас, товарищи, замешанные в этом деле и вольно, и невольно, за то, что вы забываете самые сокровенные мечты нашего освобожденного народа о лучшем будущем, что вы не верите в то, что наш одаренный народ наравне с другими народами должен прийти и придет в коммунистический строй — где будет общий язык и общая культура — со своей богатейшей культурой и внесет ее в сокровищницу мира как должное, как вечный памятник о прекрасном, дружном, трудолюбивом, умном нашем народе... Вы забываете, товарищи, то, что у этого народа до Октября не было своей истории — в этом не мы повинны, но ежели ее не будет и впредь — в этом обвинят только нас.

Я считаю недопустимым явлением стремление обвинять людей в национализме за эти искренние чувства. Мы получили возможность выражать наши чувства в полный голос только благодаря Октябрьской революции. Советская власть и великая партия рабочего класса дали мне возможность творить, быть полезным народу...»

Ознакомившись пятьдесят один год спустя с полным текстом речи поэта, я могу с полным правом заявить, что целью и смыслом жизни Васyleя Митты было желание творить во имя чувашского народа. Все силы поэта были отданы борьбе за светлое будущее своего народа, за развитие чувашской культуры, борьбе за красоту и полноту звучания родного языка, за дружбу чувашского народа с другими народами.

ТРАГИЧЕСКИЕ ГОДЫ

1937—1938 годы были одними из самых трагичных в нашей истории. Талантливых, самостоятельно мыслящих людей объявляли «врагами народа» и сажали в тюрьму, отправляли в ссылку, а то и попросту расстреливали без суда и следствия. Руководителей республики, коммунистов Сергея Порфирьевича Петрова, Василия Ивановича Токсина, Александра Никитича Никитина и многих других подвергли аресту. Дошла очередь и до Васyleя Митты.

Вот как рассказывает об этом Нонна Кирилловна:

«Жили мы в Чебоксарах, на улице К. Маркса, в писательском доме. 18 декабря 1937 года около полуночи послышался громкий стук в дверь. Когда открыли дверь, вошли два незнакомца. Назвали свои фамилии. Одну я запомнила — Исаев.

— Оружие есть? — обратились они к Василию.

— Вот мое оружие, — ответил муж, показывая ручку в руках, которой только что писал.

Начался обыск. Что ищут? Мы ничего не понимаем. Старшие девочки — пятилетняя Нарспи и трехлетняя Сильби — спят, а годовалая Илемби проснулась и с интересом разглядывает незнакомцев. У меня же дрожь пробегает по телу.

Они собрали в кучу все, что сочли нужным: книги, рукописи, письма и стали просить веревку, чтобы перевязать. Вербки у нас не было, и я предложила взамен длинную черную ленту. А сама в беспамятстве без конца твержу:

— Что ты натворил, Василий?

Следователи мне говорят:

— Он и сам не знает, что натворил...

Василий же повторяет одну и ту же фразу:

— Вот разберутся и выпустят. Это ошибка. Ошибка!

— Всё нутро горит, чаю бы мне сейчас, — попросил вдруг Василий.

Но до чаю ли в такие минуты? Вся квартира перевернута вверх дном, вошли соседи, у меня все валится из рук. До сих пор на моей совести, что я не смогла в нужный момент взять себя в руки и подать мужу на прощанье чашку горячего чая.

Когда забирали академическое издание «Калевалы», которое Василий купил буквально на днях, он попросил оставить книгу детям. Но разве грабители устоят перед таким соблазном?! Василия увели, не разрешив даже подойти к спящим дочуркам. Василий как был в валенках, так и ушел.

Когда я взглянула в окно, то обомлела. По улице текла вода. В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое неожиданно началась оттепель...

Прошло несколько дней. Мое сердце разрывалось от горя. Как-то случайно на улице на глаза попался Исаев. Я бросилась к нему:

— Где Митта?

— Не знаю, — ответил он, продолжая свой путь и не глядя на меня.

Как и жены других «врагов народа», я каждый день подолгу простаивала под воротами чебоксарской тюрьмы. Бог знает, на что надеялась. Носить на передачу было абсолютно нечего, так как и я, и Василий задолго до его ареста были уволены из радиокомитета и семья голодала. Пока было мыло, я относила его по кусочку в день, чтобы убедиться, что муж еще в Чебоксарах. А однажды мы с Нарспи, предупрежденные кем-то, что в тот день заключенным будет объявлен приговор, простояли у тюрьмы часов пять вместе с Н.М. Патман, М.В. Золотовой, Е.Ф. Красновой — женой Краснова-Асли и другими несчастными. Стояли сильные морозы, и дышать было трудно. Наконец к канцелярской конторе подъехал грузовик с бортами. Заключенные укладывались в него плашмя, чтобы их нельзя было разглядеть с улицы. Арестантов по одному под усиленным конвоем начали переводить через дорогу к зданию тюрьмы. В эти считанные минуты мне удалось разглядеть Василия. Он был в тех же домашних валенках, но почему-то все время приподнимал ноги, дотрагиваясь руками до подошвы валенок. Я подумала, что они у него прохудились, и очень расстроилась. После освобождения, вспоминая этот эпизод, я спросила Василия, о чем он хотел сказать этим жестом (говорить арестантам не разрешалось), и к своему удивлению узнала, что это означало: «дело» завершено, его отправляют по этапу.

К тому времени в нашу квартиру, вернее, в ту из комнат, которую нам оставили после ареста Василия, начали без конца навещать какие-то люди. Разглядывая помещение, они невольно натъкались глазами на голодных детей, убитую горем юную женщину и ее парализованную мать. В конце концов все посетители постепенно отступили от своих притязаний на жилище писателя, и мы остались наедине со своей несчастной долей.

Вскоре в наш дом с восточной от Василия заглянул цыган, отсидевший свой срок и только что выпущенный на свободу. Он рассказал, как убивается муж, вспоминая нас. Василий каждый раз вздрагивает, когда открывают камеру, чтобы втолкнуть новых людей: боится увидеть среди них свою жену. Тогда детям конец... Человек

он очень добрый и душевный, другие заключенные к нему прислушиваются и относятся с большим уважением. Семье он передает просьбу не винить его ни в чем и не сомневаться в его возвращении.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

1941 год. Начало Великой Отечественной войны. Я работаю редактором Первомайской районной газеты «Коммунар». Жизнь на селе такая же тяжелая, как и везде. О Митте ничего не слышно. Я заглянул в дом его отца, в надежде узнать что-нибудь о любимом поэте.

— Так долго не было никаких вестей. Уже перестали надеяться, что когда-нибудь Василию разрешат написать нам. Но вот пришло первое письмо. Просит прислать курево. Ума не приложу, где достать.

Я на радостях пообещал помочь. Когда занес табак, старик даже прослезился:

— Несчастный мой сын! Говорил нам с матерью, что мы — люди обездоленные, грамоте не выучились, всю жизнь едва концы с концами сводим. А теперь вот он, такой видный, ученый человек, поэт — и страдает. Люди говорят, что за ним и вины-то никакой нет, а ему, он пишет, даже на фронт пойти не разрешают.

Безмерное горе старика я тоже не смог вынести без слез.

ПРОЩАНИЕ С ПЕДЕРОМ

В 1941 году в один из вечеров в нашем доме внезапно появились Педер Митта и Вайтар-Тёмеске. Оба приятеля в то время преподавали чувашский язык. Педер — в Марпосадском лесном техникуме, а Тёмеске — в нашей сельской школе. Конечно же, друзьям был оказан самый радушный прием, и наша беседа затянулась допоздна. И только когда расставались, Педер сказал, что получил повестку.

— Настал мой час, друзья. На днях отправляюсь на фронт. Приехал в деревню проститься с женой Атюсь и детьми.

Только Петр Егорович уехал, как до Арабузей докатились страшные слухи о том, что Педера тоже объявили «врагом народа» и арестовали.

Пригорюнились арабузинцы, не в состоянии понять происходящее. Что Педер, что Васyleй росли на глазах у всех. Оба примерные труженики, правдолюбцы. Людей честнее и порядочнее не бывает. Уж они-то никак не могли пойти против своего народа.

ДВА ДОКУМЕНТА

В коллегия Верховного Суда РСФСР
Митты Петра Егоровича
Кассационная жалоба.

Приговором Верховного Суда Чувашской АССР от 10-ХІ-41 г. я присужден по ст. 58-10-1 к 10 годам тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет. Приговор суда считаю совершенно неверным, потому что:

1) частная беседа в моей квартире со своим товарищем о классике чувашской литературы К.В. Иванове нисколько не является клеветой на Советскую власть. Сказанные мной слова об Иванове целиком взяты из выступления секретаря Чувашского обкома ВКП(б) тов. Павлова на юбилейной сессии в честь 50-летия рождения поэта Иванова (см. стенограф. отчет этой сессии). Об этом прекрасно знают судьи, прокурор и следователь.

2) В июле 1940 г. в своей квартире с присутствием своего товарища я читал поэму Есенина под названием «Октябрь», которая начинается так:

«Пароходы идут мимо пристани,
Будем рыбок кормить коммунистами» —
Так запели вчера кадеты, эсеры —
Но у нас иной мир — Рэ Сэ Фэ Сэ Р.

Спрашивается: где тут «злостные выпады по адресу ВКП(б)», как говорится в приговоре? Эта поэма напечатана в книге поэта, изданной в 1940 году массовым тиражом в «Библиотеке поэта». Об этом прекрасно знают судьи, прокурор, следователь.

Я — член Союза писателей СССР, делегат I съезда писателей СССР. Последняя моя историческая книга о легендарном герое гражданской войны Крепкове горячо о д о б р е н а руководителями правительства Чувашии и всей общественностью Республики. Об этом прекрасно знают судьи, прокурор, следователь.

Я — боец, воспитанник Красной Армии, ворошиловский стрелок. После речи тов. Молотова по

радио по поводу вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу священную Родину тут же 22 июня 1941 года мною было подано заявление в Марпосадский райвоенкомат о вступлении в ряды РККА. Об этом прекрасно знают судьи, прокурор и следователь. Да дайте же мне возможность участвовать в Великой Отечественной войне. В этой войне участвуют мои трое братьев: Илья — лейтенант, Иван — сержант, Николай — боец-пулеметчик. Пусть и меня благословит Мать-Родина быть в рядах бойцов героической Красной Армии — армии Великого Русского народа.

Педер Митта. Фото 1939 г.

Кассатор Митта
6 декабря 1941 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Суда РСФСР
г. Москва 29 октября 1955 г.

Президиум Верховного Суда РСФСР в составе
Председательствующего Архангельского Н.А.,
членов президиума Бочарова Е.Д., Попова Н.Н., Сержной
Н.Ю., Сидорова К.В., Соловьева В.И.
с участием заместителя прокурора РСФСР
Узаева А.М.
по докладу члена Верховного Суда РСФСР
Федоровой Е.Н.
рассмотрел дело по обвинению Митты П.Е.
Приговором Верховного Суда Чувашской АССР
от 10 октября 1941 г.

Митта Петр Егорович, 1910 г. рождения, уроженец села Первомайское того же района Чувашской АССР, чуваш, с высшим образованием, ранее не судимый, работавший преподавателем техникума, осужден по ст. 58-10-1 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на 5 лет, исчисляя наказание со 2 июля 1941 г.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 10 марта 1942 г. приговор оставлен в силе.

Рассмотрев Дело и протест заместителя прокурора РСФСР, в котором поставлен вопрос об отмене приговора с прекращением делопроизводства за недоказанностью обвинения, и заслушав заявление заместителя прокурора РСФСР, полагавшего протест удовлетворить, Президиум Верховного Суда РСФСР установил:

Митта осужден за проведение в 1940 г., в мае 1941г. среди окружавших его лиц антисоветской агитации. В своих высказываниях он клеветал на Советскую власть, на ВКП(б).

Президиум находит, что Митта осужден неосновательно. Так в суде (л.д. 46 об.—47) Митта отрицал свою вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч. 1 УК. Митта

пояснил, что однажды в июле 1940 г. в присутствии своих знакомых он читал стихи Есенина и, в частности, поэму «Октябрь».

В судебном заседании Митта привел отрывок из этой поэмы. Митта так же отрицал антисоветский характер своих высказываний при разговоре о чувашском поэте Иванове К.

Допрошенный в суде свидетель Амурцев (л.д. 47–48) по существу не подтвердил наличия в высказываниях Митты призыва к свержению или подрыву Советской власти или к совершению контрреволюционного преступления. Свидетель Шигильчев, уличавший Митта на предварительном следствии, судом не допрашивался.

Однако из показаний Шигильчева видно, что Митта прочитал то же стихотворение, которое он зачитал в судебном заседании.

Следует признать, что приведенное стихотворение не является контрреволюционным, оно написано Есениным в поэме «Песнь о великом походе» и напечатано в сочинениях поэта в 1955 г. т. 11, стр.97. Исходя из изложенного Президиум Верховного Суда РСФСР

постановил:

Приговор Верховного Суда Чувашской АССР от 10 ноября 1941 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 10 марта 1942 г. в отношении Митта Петра Егоровича отменить, делопроизводство прекратить за недоказанностью обвинения.

Председатель Архангельский.

Ксерокопия документов хранится сейчас в краеведческом музее села Первомайское.

ЕЩЕ ОДИН МИТТА – МИГУЛАЙ

В год начала войны в редакцию Первомайской районной газеты «Коммунар» пришел младший из Митта — Мигулай, Коля. Я спросил его, нет ли вестей о Василии Егоровиче.

— Ничего нет. Даже не знаем, где он находится. Мне, как брату «врага народа», нет никакой дороги. Пожалуйста, помогите. Не найдется ли для меня в газете работа?

Мы взяли его на работу и нам нравился тот материал, который он доставлял в редакцию. Был он хорош собой и статен, имел добрый нрав. Коллеги его уважали, а мы с ним крепко сдружились.

Перед уходом на фронт Мигулай принес в редакцию свое стихотворение «Я ухожу на войну». Оно было напечатано в газете «Коммунар» 15 августа 1942 года.

А в 1943 году матери пришло его последнее письмо. Оно было написано стихами.

Николай Митта. Фото 30-х гг.

ВЕСТОЧКА ИЗ ЛАГЕРЯ

В 1944 году меня перевели в Чебоксары на должность инструктора Обкома партии.

По приезду в город я навестил жену Василия Егоровича Нонну Кирилловну. С начала войны она работала медсестрой в эвакогоспитале. В одной-единственной комнате, оставленной за семьей, ютилось пять человек: мать жены поэта Анастасия Георгиевна, сама Нонна Кирилловна и три дочери — Нарспи, Сильби и Илемби. Обстановки в комнате как таковой просто не было. Стояли три железные кровати с едва прикрытыми тряпьем досками.

Анастасия Георгиевна была очень больна и уже много лет не вставала с постели. Чувствовалось, что голод и холод довели семью до крайней степени истощения. В комнате было так холодно, что вода

в комнате была скована льдом. Здесь никто никогда не раздевался! Все это потрясло меня до глубины души, но помочь семье Василия Егоровича я ничем не мог, да и не решился бы. Страх за свою семью не покидал меня ни на минуту. Время было такое. Любой человек опасался за свою жизнь, боялся, как бы и его не объявили «врагом народа».

Во время следующей встречи Нонна Кирилловна с опаской познакомила меня с письмом Василия Егоровича, присланным им из лагеря. Вот его полный текст:

«Незабвенный друг мой!

Только что вернулся с лагерных работ, устал так, что карандаш падает из рук, но пока есть возможность, хочу сказать то, что следовало сказать давно. Прости, это письмо вряд ли придется тебе по душе, мне оно тоже не в радость, но что поделаешь, коли нам выпала такая судьба.

Перед тобой и перед самыми близкими для нас душами — нашими детьми — я виноват так, что эту вину не искупить вовек. Я испортил твою молодую жизнь в тот момент, когда она наполнилась лучшими мечтами и надеждами. Своих детей, едва увидевших свет, я обрек на голод и нищету. После всего этого я тебе и не муж, и не друг, после этого даже больно слышать, как тебя называют отцом. Я решил: пусть лучше забудут, думают, что сгинул, поэтому несколько лет не подавал о себе вестей ни вам, ни кому-то еще, но случай — приезд к товарищу по несчастью родственников и то, что через них обо мне узнали в Чебоксарах, заставил несколько изменить решение. Я не мог не ответить на письмо Нарспи. Вся душа всколыхнулась, я снова потерял покой, обретенный дорогой ценой. Семь лет... Они для меня как один страшный черный день, как мучительный сон, от которого не пробудиться. В то же время кажется, будто я расстался с вами совсем недавно, только что — вчера. Это потому, что моя жизнь бедна происшествиями. На воле у каждого дня свое настроение, творческое содержание, для достойного человека каждый день — это этап творческой работы, а здесь все по-другому, время тянется несказанно бездарно, один день похож на другой. Мы здесь, словно скот, потеряли чувство времени, поэтому кажется, что расстался с вами только вчера. Оказывается, это

не так. Нарспи, которая осталась от меня пятилетней, сегодня рассуждает как взрослый человек; она подросла и иногда даже может критиковать своего горемычного отца.

Нонна, ну что я могу написать тебе? Я не достоин даже говорить с тобой. Разве это человек, если будучи невиновным он не может доказать свою невиновность, разве это человек? Не будем об этом больше, поздно. Я виноват! Если скажу, что не виновен, даже родная мать не поверит. Я виноват в том, что не смог убедить людей в своей невиновности и из-за этого за семь лет не принес родному чувашскому народу ни на грош пользы; виноват, что сделал вас такими несчастными; наконец, виноват, что не сложил голову в этой катавасии как мои четверо братьев. Сколько не сказано слов, которые мог бы сказать, сколько не сделано дел, которые мог бы сделать, сколько светлых надежд погасло за эти семь лет!

Я вернусь как вор и разбойник, как человек, навеки потерявший душевный покой, не смея смотреть людям в глаза, растеряв силу духа и смелость. Такой человек не может быть мужем, а если и будет — у него не хватит сил сделать семью счастливой. С таким семья не будет знать покоя, у такого нет уверенности в завтрашнем дне. Помнишь, наверно, как нам жилось, начиная с апреля 1937 года. Ночи напролет проходили в мучительном ожидании. Я не желаю впредь тебе и взрослеющим дочерям такой жизни. Поэтому подумаем уже сейчас о том, как нам быть после войны (правда, мы не такие мудрецы, как в Думбартон-Оксе*).

Конечно же, после войны нас здесь держать не будут. Мы вернемся. Я выберу себе место не на виду, не среди почитаемых чувашами гостей, я устроюсь там, куда усаживают незваных и неожиданных, буду трудиться день и ночь, как безымянный раб, но свое сделаю! Мое единственное желание за все эти семь лет — не растерять творческого потенциала, сберечь его во что бы то ни стало. Во имя этого я поборол многие свои слабости, укрепил нервы, окреп душой, стал сторониться легкомысленных людей, бросил курить — три года не

* (Dumbarton Oaks) — вилла близ Вашингтона, где в 1944 году проходила международная конференция, подготовившая предложения, которые легли в основу Устава ООН. (Прим. редактора.)

кую, перестал чураться физической работы, и сейчас я крепкий здоровьем мужчина в расцвете сил. Хотя виски начали сесть, никто не даст мне и тридцати лет. А всего три года назад чувствовал себя весьма скверно, осенью 1941 года открылись каверны в обоих легких, я не мог дышать и хватал воздух руками. Если бы не мать, приславшая лошадиный жир, и не врачи — судьба моя была предрешена.

Да, я вернусь в добром здравии, с чистой душой. Но люди не будут знать этого. Скажут — он был там, он будет там! Самое мучительное, самое страшное то, что это — правда. Все верно, верно, от этого никуда не денешься. Поэтому я приму свое освобождение как творческую командировку, буду трудиться до изнеможения, постараюсь за год-другой компенсировать то, что не суждено было сделать за семь лет. Я буду спокоен, потому что буду знать: никто кроме старой матери не будет рыдать обо мне.

Наверное, это не оттого, что я буду работать и жить как-то иначе, и жить, и трудиться я буду как все остальные, но в то же время оставаться как бы особняком. Каждый раз, когда в ясном небе раздастся гром, будут сурово оглядываться на меня — ох, до чего хорошо знаю я людскую логику! Кто виноват, если нет дождя? — Вон те живут невенчаны, они и виноваты, бросить их в реку... Такова она жизнь, Нонна.

Несказанно благодарен за детей и тебе, и твоей матери. Долго терпели, потерпите еще немного. Что заработаю, что сберегу-сэкономлю — все будет для них. Не плачь, Нонна, их будущее не будет особенно мрачным. Частенько тешу себя такими вот мыслями. Будто бы я живу в глухой лесной деревеньке. Учительствую. Зимние дни проходят в возне с учениками. Летом наслаждаюсь благодатью природы. У меня есть маленький домик, крохотная пасека. Мы живем со старенькой матерью. Старушка суетится, хлопочет в ожидании гостей. И очень беспокоится: сегодня должна приехать Нарспи с сестрами, почему их все еще нет? Может, поезд опоздал или машина сломалась по дороге? И вдруг цветущий луг наполняется звонкими детскими голосами. Нарспи и сестры — наши взрослеющие девочки — обнимают бабушку. «Дома ли отец? Как он, здоров?» — спрашивают они, перебивая друг друга. Навстречу им из домика неторопливо выходит отец. Глаза его повлажнели,

повлажнели от светлой радости, потому что он, оказывается, действительно дома, дома, дома, не где-то на чужбине. И для него, и для детей это самое главное. Отец спрашивает детей о здоровье матери. У нее все в порядке, она шлет отцу сердечный привет, желает здоровья и благополучия, успешного творчества. У нее все хорошо, она известная в городе учительница. Отец и мать много-много лет не виделись, их разлучила безжалостная сила... Им и сейчас нельзя быть вместе. Но они всегда чувствуют себя в одной упряжке. Вся их любовь в детях, в их будущем. Ради них они перестали думать о собственной жизни. Они сейчас скорее друзья, желающие друг другу добра. В то же время они — самые дорогие, самые близкие друг другу люди. Без нее отцу не выдержать, он видит своих детей счастливыми только потому, что у них есть мать. Отец не верит до конца в свое счастье: сегодня он здесь, а завтра неизвестно где. Мать всегда с детьми, она — главная их опора и счастье. Дети рассказывают отцу о своих успехах в учебе. В углу стоит старенькое пианино, Нарспи играет великих композиторов...

О Господи!.. Вправду ли наступят эти дни? Мы не верим ни в бога, ни в черта. Но не перестать бы верить в маленькое человеческое счастье. Кто верует, особенно вы, мама*, бабушка моих девочек, молитесь, чтобы эти дни скорее наступили. Иначе тяжело, тяжело, тяжело.

Я частенько тешу себя подобными грезами.

Нонна, мама, у меня к вам претензия.

Почему Нарспи до сих пор не знает по-чувашки? Это ваша вина. Нельзя растить детей в пренебрежении к чувашам. Много ли, мало ли — у чуваша есть свое, особенное; надо уважать то, что имеется и развивать его. Негоже следовать чебоксарским неомещанам. Помните это. Сейчас же, настойчиво исправляйте свой промах, иначе в наших отношениях может возникнуть немало недоразумений.

Ну, хватит. Может и не очень внятно, но кажется сказал, что хотелось сказать. Ты умная, Нонна, поймешь.

10 октября 1944 года.

Ваш Васyleй».

* Здесь: мать жены.

НЕДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Проходит год за годом. Наш любимый друг Митта все еще томится в лагере. Мы уже и не надеемся на его сколько-нибудь близкое возвращение. Но очень часто вспоминаем Васyleя в тесном кругу надежных друзей: Ильбека, Хузангая, Талвира, Турхана... В каких краях он сейчас? И если когда-нибудь вырвется на волю, позволят ли ему вернуться в литературу?

Острее всех переживал заточение Митты его близкий друг Хузангай. Осуждая клеветников, он восклицал:

— Этих продажных людей нисколько не тревожат их злодеяния. Ходят среди нас как ни в чем не бывало, да еще с приподнятой головой. Но наши проклятья когда-нибудь дойдут до этих негодяев!

И вот наступили светлые дни. Начали возвращаться те, кто, казалось, уже исчез навсегда после ареста в 37-м.

Вернулся из лагеря и Василий Егорович. Вспоминая эти дни, моя жена рассказывает: «1947 год. Мы жили в Чебоксарах на Аптечной улице в маленькой комнатенке. Квартира была на пять семей. Как-то, ближе к обеду, в нашу дверь постучали. Я открыла дверь и увидела на пороге странно одетого — в серой телогрейке, ватных штанах и поношенном малахае, но очень красивого и статного человека.

— Здесь живут Давыдовы? — спрашивает он.

— Что-то не узнаю, — робко говорю в ответ.

— А присмотритесь-ка повнимательнее, дорогая Мария Максимовна, — говорит незнакомец, улыбаясь.

И тут меня осенило: да это же Митта! У кого еще может быть такая обаятельная улыбка!

— Это ведь ты, Василий Егорович! — кричу я.

— Да! Да! Митта — этот странствующий страдалец! — по-прежнему широко улыбаясь и распахнув мне объятия восклицает Василий Егорович.

Услышав наши радостные возгласы, вышли и соседи...

— Все-таки Бог, наверное, есть, коли я вышел из этого ада... Может быть, теперь мне удастся осуществить то, что когда-то было

задумано... Все десять лет я корил себя за то, что зря живу на белом свете, — сказал Василий Егорович.

Мы говорили о детях, о писательских делах. Василий Егорович поинтересовался, над чем сейчас работает мой Вася, и очень сожалел, что не застал его дома. Муж был в командировке. Прощаясь, мы пожелали друг другу здоровья и счастья.

— Пусть дороги Ваши впредь будут удачными, — сказали на прощание дорогому гостю и наши соседи».

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Вскоре из Арабузей пришли хорошие вести. Митте разрешили жить на родине, но, разумеется, о сочинительстве не могло быть и речи. Василий Егорович устроился кассиром в среднюю школу. В те времена так называемых «врагов народа» на работу не брали. Но арабузинцы высоко почитали поэта и врагом никогда не считали. В Первомайском райкоме партии на ответственных должностях

находились близкие друзья Митты — Яков Зверев и Леонид Щукин. Это были коммунисты, прошедшие через пламя войны. Они хорошо понимали, что Митта оклеветан завистниками и отсидел зря. Друзья сделали все, чтобы помочь товарищу. Об этом я знаю точно и всегда вспоминаю их добрым словом.

В тот год я приехал в родное село на встречу со школьниками. С Василием Егоровичем мы встретились в школе. Не могу подобрать слова, чтобы выразить свое душевное состояние во время этой встречи. Митта тоже был тронут до слез. Долго мы беседовали, но уже пора было идти к ученикам. Не

Василий Митта во время краткосрочного освобождения. Б. Арабузи. Фото 1948 г.

желая расставаться, я предложил Василию Егоровичу провести встречу в школе вдвоем. Он наотрез отказался.

— Нет, Вася, я человек неблагонадежный, мне нельзя участвовать в таких мероприятиях. Спасибо за приглашение.

Василий Егорович даже не рещался войти в класс. Я почти силой затащил его и усадил за заднюю парту.

Встреча со школьниками прошла, помнится, хорошо. Я рассказал ребятам о писателях — выходцах из нашего района: А. Талвире, И. Думилине, Ф. Ситте, братьях Митта. Когда ученики услышали имя Василия Егоровича, тут же начали оглядываться назад, улыбками приветствуя поэта.

То, что Митта не имеет права участвовать даже в таком мероприятии, как встреча со школьниками, заставило меня задуматься о его страшной судьбе. Василию Егоровичу было навсегда запрещено заниматься литературным трудом. Но он не мог жить без творчества. В тот раз он сообщил, что почти закончил, работая украдкой, перевод повести Л. Кассиля «Великое противостояние». Но о том, чтобы издать перевод под своим именем, не могло быть и речи.

КОРОТКАЯ ВСТРЕЧА В ЧЕБОКСАРАХ

1949 год. Весна. Я работаю редактором радиовещания в Чебоксарах. Семья же живет в Арабузях. Жена работает в школе вместе с Василием Егоровичем.

Как-то я сильно заболел. Лежу в постели. Неожиданно у меня появился Митта с просьбой от Марии передать семье хоть сколько-нибудь денег.

— Нет, нет, Вася, пожалуйста, не вставай, — стал он упрашивать меня. — Я знаю, что с легкими шутки плохи. Ты должен беречь себя. Помни, ты нужен людям. Чувашская литература не имеет больше права терять своих сыновей.

Заговорили о поэзии. Задумчиво перелистывая рукопись моих стихов, Митта спросил:

— Как ты думаешь, где должно быть ударение в словах пăчă, ашă, тăрăш и им подобных: на передних гласных или на задних?

— По Сеспелю ударение должно падать на задние гласные, — ответил я.

Митта согласился с тем, что у Сеспеля это именно так.

— А вот Хузангай, — заметил он, — считает равновозможным ставить ударение и на передние гласные, и на задние. Знаешь, это существенное подспорье в преодолении языкового барьера для переводчиков с русского на чувашский.

СНОВА БЕДА

Что это?! Как понять?

Говорят, Митту опять арестовали.

Вот как рассказала об этом жена Василия Егоровича:

«В 1949 году, во время весенних каникул, Васyleй приехал в Чебоксары навестить нас — кажется, он появился дома под вечер.

Задерживаться в семье более суток было опасно, и наутро мы с ним пошли на железнодорожный вокзал. Не спеша дошли до станции, а в здании вокзала он неожиданно исчез. По-видимому, всю дорогу от дома нас тайно сопровождали.

Оглядываюсь по сторонам, ищу своего Васyleя. Нет его. Нигде нет!

Куда идти? У кого просить помощи? Опять я одна, совсем одна со своей бедой.

Новый арест окончательно подкосил и меня, и детей».

ОБРАЩЕНИЕ К ПРОКУРОРУ

Весной 1949 года поэт был этапирован в Сибирь, на Енисей.

Ни за что, ни про что отбыв десять лет тюрем и лагерей, поэт теперь наказывается пожизненной ссылкой за те же самые грехи, что ему огульно приписали в 37-м.

Василий Егорович ни на минуту не мирится с новым приговором. В архиве семьи хранится его последняя (перед реабилитацией) жалоба на имя прокурора СССР от 26 февраля 1954 года:

«В конце 1937 года, я, в то время еще молодой человек, член

ВЛКСМ, учитель по образованию, кандидат в члены Союза советских писателей, был арестован и обвинен — без суда и следствия — в местном национализме.

Путем настойчивых и обоснованных жалоб в органы прокуратуры и неоднократных обращений в адрес депутатов Верховного Совета я на третий год своего пребывания в заключении добился вынесения протеста Прокурора Чувашской республики на постановление Тройки НКВД ЧАССР по моему делу. Но это справедливое вмешательство Закона, к моему несчастью, осталось без последствий — вскоре началась война и стране стало не до нас.

В 1947 году, освободившись из лагеря, я вернулся на родину, в Первомайский район Чувашской АССР, и через год с небольшим снова был арестован, а впоследствии — выслан в Красноярский край.

К сожалению, качество следственной процедуры и на этот раз оказалось не на высоте: та же, как и в 1937 году, рассеянная поспешность и полное пренебрежение к элементарным требованиям судопроизводства; та же, вопреки здравому смыслу и фактам, беспардонная предубежденность в виновности подсудимого.

Я постараюсь изложить в данной жалобе мои претензии в отношении оформления моего дела для Особого Совещания в 1949 году, которые в основном сводятся к следующему:

Несмотря на мои требования и протесты,

1) мне не было предъявлено обвинение, что явилось бы поводом к повторному аресту и содержанию меня в тюрьме;

Василий Митта с товарищами по ссылке.
Село Таловка, Красноярский край.
14 августа 1949 г.

2) полное сокрытие от меня материалов следствия 1937 года, с которыми я должен был ознакомиться хотя бы в 1949 году;

3) отказ в вызове свидетелей, выставленных мной, из чувашских писателей, товарищей по работе и людей, знающих меня с раннего возраста;

4) отказ в предоставлении мне очной ставки со свидетелями обвинения;

5) категорический отказ в приложении к вновь оформляемому делу протеста прокурора Чувашской АССР на решение НКВД ЧАССР по моему делу 1937 года;

6) отказ в приложении к делу моего заявления в адрес Министра МГБ ЧАССР, написанного мной с целью, чтобы оно послужило впоследствии материалом для Особого Сопециания, и, наконец

7) упорное игнорирование документов и свидетельских данных в части несостоятельного обвинения меня в причастности к троцкизму, что, ввиду полной его недоказанности, не фигурировало на следствии 1937 года (см. в моем Деле Постановление бюро Чебоксарского горкома ВЛКСМ от июня 1937 года, реабилитирующее меня в этой части) и что искусственно всплыло вновь в 1949 году только для того, чтобы подвести мое дело под решение Особого Сопециания, т.к. Постановление Спецтройки НКВД ЧАССР по своему содержанию подразумевает только п.58\10, т.е. обвиняет меня в националистической агитации, а следствию для успеха дела, как стало мне понятно уже потом, нужны были элементы и других пунктов 58 ст. УК РСФСР, хотя бы, на худой конец, пункта 11.

Все эти моменты, являющиеся поводом к данной жалобе, в той или иной форме отражены в моем деле, рассмотрены Особым Сопецианием, т.к. я при своей последней подписи (кстати сказать, добытой следствием при помощи, во-первых, трехкратного посещения помощника прокурора Чувашской республики, который, вместо того, чтобы сообщить делу правильное направление, уговаривал меня ехать в ссылку, и, во-вторых, установления непосильного для моего здоровья подвального режима) письменно выставил, с надеждой на Москву, вышеизложенные требования.

Обращаясь к Вам с настоящей жалобой, прошу Вашего указания соответствующим органам о повторном рассмотрении моего дела со стадии предварительного следствия, или же, что было бы весьма справедливо, отменить решение Особого Совецания как необоснованное, т.к. даже при формальном подходе к делу, в данном случае, оно не подлежало суду Особого Совецания за недостаточностью, не говоря уже о достоверности, элементов обвинения (см. Постановление Тройки НКВД ЧАССР по моему делу от 1937 года).

В заключение я заявляю: я полон решимости и желания, несмотря на глубокие душевные раны, отдать все свои скромные силы и способности делу Ленина и Коммунистической партии в моем любимом чувашском крае, где я, выходец из беднейшей крестьянской семьи, впервые познал радость вдохновенного труда, благородство и великий смысл революционных преобразований. Жить так, как я сейчас живу, бессмысленно.

26 февраля 1954 г.

МИТТА

Красноярский край, с. Таловка
Больше-Муртинского района»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ

Большую радость принес октябрь 1954 года: Митта возвратился из сибирской ссылки. Василий Егорович никогда не терял надежды на возвращение, верил, что правда, в конце концов, восторжествует. Но потеря близких друзей, томившихся, как и он, в лагерях и похороненных Бог знает где и как, не давала ему покоя до последних дней.

Кто продолжит дело безвременно ушедших братьев и друзей?

Где могила Шубоссинни?

В каких краях остались лежать Патман и Золотов?

Куда сгнули Янгас и брат Педер?

Погибли на войне старший брат Василия Егоровича Илья и младшие братья — Иван и Николай. Не дождавшись ни одного из сыновей, умерла Матёрне аппа, мать поэта. Не застал поэт в живых и мать жены, воспитавшую дочурок. Едва переступив порог родного дома, Василий Егорович отправился с женой на могилу Анастасии

Георгиевны, где на дубовом столбике под крышечкой сделал надпись: «Благодаря твоему благословию я вернулся, мама». Долгие десятилетия, пока не сгнил окончательно, этот могильный столбик хранил нацарапанные карандашом первые слова освобожденного поэта.

ПИСЬМО ДРУГА

С 1955 года Митта работал ответственным секретарем журнала «Родная Волга». Его редактором в те годы был известный чувашский писатель Василий Алендей. Митта и Алендей работали очень слаженно и дружно, все это чувствовали. В редакторском кабинете без конца толпился народ. Сюда за помощью и советом заходили и пожилые, и молодые писатели. Когда на стол Митты ложилась талантливая рукопись, он радовался как ребенок, немедленно разыскивал автора и, если тот жил поблизости, вызывал на беседу. А сколько писем написал он авторам, живущим вдалеке!

В том году я отдыхал в санатории в Башкирии. Оттуда я разослал письма родным и знакомым, написал и Василию Егоровичу. Ответ пришел незамедлительно:

«Письмо твое получил. Спасибо, что не забываешь о Чебоксарах. Живем мы по-прежнему, без особых перемен. Почтили память Константина Иванова. В день юбилея памятник поэту утопал в цветах. Ближе к вечеру собрались в Доме Советов. Большой зал был битком забит людьми.

Вчера там же прошла научная конференция, посвященная Иванову.

Твои стихи сейчас в наборе. Марию вижу часто. Недавно она принесла короткие рассказы, а сейчас печатает на машинке твои стихи, переведенные на русский язык.

Оказывается, ты лечишься в том же санатории, в котором я двадцать один год назад пробыл полтора месяца.

Новостей особых нет. Первая книга «Родной Волги» в эти дни выйдет в свет, вторая — в производстве. «Фома»* — вышел.

Те, у которых «прорвался желчный пузырь», всё так же ходят недовольными. Чего им не хватает?

* Здесь речь о романе А. Горького «Фома Гордеев», который В. Митта перевел на чувашский язык.

Да, с Украины приехал Ю. Збанацкий. Завтра состоится встреча с ним. Хузангай все еще не вернулся. Может ты видел его в Слакбашах? Салам от меня и от матери Нарспи, которая сидит рядом со мной и мешает мне писать. Хорошего тебе отдыха.

В. Митта

Р.С. Решили вернуть нам вторую комнату. Только вот когда?
31 мая 1955 года

В.М.»

ШУМИТ ЗАСТОЛЬЕ

26 декабря 1955 года супруга вдруг сказала:

— Вася, сегодня тебе исполняется 38 лет. Может быть, стоит отметить этот день по-человечески?..

Я согласился, и мы пригласили на ужин друзей и родственников. Наступил вечер, стали собираться гости. Пришли вместе с женами земляки Дмитрий Паргасов и Филипп Раськин. Появился старый друг — Кузьма Турхан. Подошли и супруги Митта. В руках у Василия Егоровича — шампанское. Он поставил бутылку посередине стола, поздравил меня, крепко обнял и расцеловал.

Вскоре за столом зазвучали стихи, песни. И так получалось, что сухие ветки в костер душевной беседы чаще других подбрасывал Василий Егорович. Он умел поддержать любой разговор, любил и попеть. С упоением слушали мы в его исполнении старинные чувашские песни, песни сибирских чуваш.

Голос у него был сильный, приятный. Затянул и я всем известную «Сёрен» — нашу любимую. Василий Егорович не выдержал и стал подпевать мне.

— Какая песня!
Сразу за сердце берет!
— воскликнул он.

В гостях у В. Давыдова-Анатри.
В. Митта с женой (в центре), слева К.С. Турхан,
В. Давыдов-Анатри с детьми.

По щекам жены Василия Егоровича Нонны Кирилловны то ли от радости, то ли от каких-то воспоминаний о пережитом медленно катились слезы.

Конечно же, вскоре речь зашла о нашей родной литературе.

— Литературный труд — дело почетное, но и трудное, — сказал Василий Егорович. — Нынче на литературное поле уже нельзя выезжать с деревянной сохой. Чтобы хорошо писать на родном языке, надо хорошо знать мировую культуру.

Мы начали просить Василия Егоровича почитать что-нибудь из вновь написанного. Разумеется, он тут же с удовольствием согласился и стал читать — вдохновенно, артистично. А я слушал и думал о том, как щедро одарила меня жизнь хорошими людьми — ведь именно Митта и его друг Хузангай помогли мне сделать первые шаги в литературе.

Позже мы все вместе вышли на улицу и направились к Волге. За разговорами незаметно дошли до бульвара Константина Иванова. Несмотря на мороз, Василий Егорович согласился на нашу просьбу прочесть свое чарующее стихотворение «Пахнут медом молодые липы»:

*Пахнут медом молодые липы,
Ивановский молодой бульвар.
Не забыл тебя я, где бы ни был,
В одеянье белом, Шупашкар.*

*Расцвели настурции и астры,
Георгины красные цветут...
Вспомнил я о юности глазастой,
Что бродила беззаботно тут.*

*Говорю себе: и ты, быть может,
Ярким был и свежим, как цветы.
Что всего нам молодость дороже, —
Разве мог тогда поверить ты?*

(Пер. П. Хузангая)

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

В ноябре 1956 года Василий Егорович и Нонна Кирилловна праздновали свой серебряный юбилей. Мы с Марией тоже пришли к назначенному часу. За столом было много гостей: Нина Михайловна Патман, семейные пары Хузангаев, Ильбековых, Никифоровых, Денисовых, Сорокиных, Кузнецовых и другие.

Шумное застолье. Проходило оно необыкновенно ярко и интересно. Стихи и песни сменялись душевной беседой, воспоминаниями о прошлом.

Запел хозяин. Все притихли, слушая песню, привезенную Василием Егоровичем из Сибири.

Украшением вечера стала старинная чувашская песня, которую исполнили Хузангаи — Вера Кузьминична и Петр Петрович:

Ай, шурин дорогой, головушка болит, —

Зеленая птичка клюнула голову.

Уйми, уйми ты эту птичку.

Отец говорит: «Ай, уходите».

Погреб говорит: «Не уходите.

Для вас еще есть».

Мать говорит: «Ай, уходите».

Печка говорит: «Не уходите,

Для вас еще есть».

(Подстр. перевод)

Об этом славном празднике у В.Е. Митты в дневнике есть запись: «По случаю 25-летия нашей с Нонной совместной жизни у нас собрались гости. Все с удовольствием пели, читали стихи и плясали. Порадовали своими песнями Давыдова, Сорокина и жена Хузангаи Вера Кузьминична. Когда вышли прогуляться, продолжали петь. Встретившаяся нам по пути чувашка в тулупе, по-видимому, охранныца магазина, попросила спеть чувашскую песню «Пчелка золотая». Мы окружили женщину и спели ей. Потом мне Хузангай тихо сказал: «Хоть чуваша и считаются крепким народом, а у охранныцы я заметил слезы на глазах».

«ЧЕРНЫЙ» ЧЕЛОВЕК

Как-то на одной из центральных улиц Чебоксар мы с Василием Егоровичем наткнулись на важно прогуливающегося человека в черных очках.

— Ты знаешь его? — обернулся ко мне Митта.

— Вижу его довольно часто, но кто это такой, не знаю, — ответил я.

Когда незнакомец прошел мимо нас, Василий Егорович в сердцах воскликнул:

— Всякий раз, когда его вижу, хочется закричать: «Снимите ваши черные очки!» Это — Кордус. Работает в органах. Как-то меня вызвали к нему. Когда я зашел в кабинет, то снял фуфайку и положил на стул. Ни слова не говоря, брезгливо схватив двумя пальцами мою стеганку, он скинул ее на пол. Мне было так обидно, так больно.

ВОЛГА — СИМВОЛ РОДИНЫ

Есть ли среди нас человек, который бы не любил Волгу?

Но так, как любил ее Митта, мало кто способен любить.

*«Как ласковое дитя Волга поутру,
Нежится в объятиях теплого ветра...»*

(Подстр. перевод)

Какие дивные строки!

Два последних года жизни поэта — жизни на свободе — прошли на моих глазах. Я нередко сопровождал Василия Егоровича во время его прогулок к Волге после трудового дня.

Г. Пласкин, чувашский писатель, в своих воспоминаниях пишет:

«Журнал «Таван Атӑл» начали выпускать Митта с Алендеем. Алендей был редактором. Поэтому от Митты мы не раз слышали: «Хозяин здесь не я, а Алендей». Несмотря на то, что Митта никогда себя высоко не ставил, редактор его очень ценил. Обычно рабочий день длился до трех часов пополудни. Потом Василий Егорович с товарищами, а иногда один, спускался к Волге...»

Все семнадцать лет, что прошли в изгнании, поэт тосковал по Волге. Лишь надежда вновь увидеть ее и родные берега Булы давала силы противостоять жестокостям судьбы.

ВОЗЛЕ ХОРОВОДА

В один из летних солнечных дней в Чебоксарах в Лакреевском лесу проходил республиканский праздник песни. Было очень многолюдно. И весело.

Чувашские девушки в белых платьях, богато украшенных национальным орнаментом, водили хороводы и пели старинные песни. Под огромным тенистым дубом я увидел друзей: Василий Егорович и Петр Петрович оживленно беседовали с девушками, которые только что пели в хороводе. Оба поэта были одеты по-праздничному — в вышитые шелковые сорочки. Лица их светились радостью.

— Вот они, современные Нарспи! — восхищался Митта. — Как же вы прекрасны, милые девушки! Выплыли на поляну, словно белые лебедушки!

— Откуда вы, сестрички? — поинтересовался Петр Петрович.

— Из Аликовского района, — ответили девушки.

— Значит, землячки нашего Александра Артемьева. Читали его повесть «Саламби»? — стал допытываться Митта.

— Конечно, читали. Мы и автора хорошо знаем. Он родом из деревни Верхние Вылы.

— О, я знаю эту деревню. Был там как-то раз на свадьбе. У вас свадьбы замечательно играют, — к общей радости заметил Хузангай.

— А нам понравилось, как Вы потом эту свадьбу в своих стихах описали, — засмеялись девушки.

— Вам есть, чем гордиться, милые красавицы, — сказал я, подходя поближе к этой веселой и шумной компании. — Среди вас живет большой писатель — Александр Артемьев. Потому он и пишет так хорошо, что знает жизнь народа не понаслышке, и каждодневно разделяет со своими земляками тяготы и радости повседневной жизни.

Девушки попрощались с нами и вернулись в хоровод, а мы еще долго любовались ими издали.

ПОДАРОК МИТТЫ

В 1956 году вышла книга стихов Василия Егоровича «Камӓлтан» («От души»). Это был большой праздник и для поэта, и для всей чувашской литературы. Поэт щедро раздаривал первые экземпляры книги всем своим друзьям. Получил подарок и я. Вот с таким вот автографом:

«Необратим удел земной.

И я уйду, Васьлей.

А ты наш долг перед Булой

Храни в душе своей».

(Пер. А. Дмитриева)

Эта книга очень дорога мне. Я буду хранить ее, пока бьется мое сердце.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

Как-то весной 57-го года повстречал радостного Василия Егоровича. Он буквально за руку повел меня к себе домой.

— Видишь — фортепяно! — воскликнул он. — Наконец-то оно в нашем доме! Сколько мечтали о нем девочки, да так и отучились, не дождавшись своего инструмента. С утра пораньше, еще затемно они добирались до музыкальной школы, — ты же знаешь, она у самой Волги, — чтобы успеть позаниматься до начала уроков. И это — годами. Уроки по фортепяно на столе не выучишь...

— Да, лучшего подарка дочерям не придумаешь, — я порадовался за Василия Егоровича.

— Я даже надеюсь втайне, что кто-нибудь из дочек не вытерпит и приедет из Москвы на майские праздники. Они так мечтали, чтобы можно было играть дома, — с этими словами Митта сел за инструмент. Одна за другой зазвучали чувашские мелодии. Василий Егорович играл с большим вдохновением, наслаждаясь любимой музыкой. Чувствовалась, что исполнилась заветная мечта и самого поэта. Тем более, что пианино по звучанию оказалось превосходным — оно было из первой партии, выпущенной в Чувашии мастерами ленинградской фабрики «Красный Октябрь».

— Мой дед очень любил музыку. Играл на пузыре и гусях. Так что я никак не должен отставать от него, — Василий Егорович широко и радостно улыбался.

ТЯЖКАЯ ВЕСТЬ

В день смерти Митты я был за пределами Чувашии, в Доме творчества писателей близ Москвы.

Вот что я записал тогда в своем дневнике:

«Малеевка. Ясное солнечное утро. В окно видно, как идет почтальон. Быстро спускаюсь в вестибюль. Перебираю свежую почту. Вот письмо на мое имя. От Марии. Нетерпеливо вскрываю конверт. А в нем — аккуратно сложенная газета. Разумеется, я подумал, что в газете напечатаны мои стихи. Развернул — и потемнело в глазах: взгляд моментально выхватил фотографию Митты в траурной рамке. Словно многопудовая тяжесть придавила меня. Читаю, а из глаз брызжут слезы, текст расплывается. Не могу остановиться, плачу и плачу. Знаю, что не подобает мужчине лить слезы, но ничего не могу с собой поделать... Кое-как взял себя в руки, вышел на улицу. И очутился лицом к лицу с мордовским писателем Иваном Прыжинским и известным русским поэтом Степаном Щипачевым.

— Что с Вами, Василий Иванович? — спрашивает встревоженно Прыжинский.

А я не могу вымолвить ни слова.

— Да что с Вами?

Я протянул им газету с некрологом и едва выдавил:

— Умер мой любимый поэт.»

Утрата была и неожиданна, и невосполнима. Я долго не мог придти в себя. Так не хотелось верить в то, что произошло. Мы с ним хотели издать сборник стихов поэтов — выходцев из Арабузёй, выпустить книгу П.В. Пазухина — собирателя чувашского устного народного творчества. Мечтали вместе съездить в Казань на встречу с татарскими поэтами. По инициативе Митты при Союзе писателей Чувашии были организованы курсы по изучению татарского языка. И самым аккуратным и активным их посетителем был он сам...

Как рано сразила Митту жестокая смерть! Вспомнились его слова, сказанные совсем недавно, во время одной из последних встреч:

— Васyleй, я старше тебя и уйду из жизни раньше. Позаботься, чтобы меня похоронили в родной земле, на кладбище, где лежат мои деды и прадеды.

Митта будто чувствовал свою судьбу: в канун кончины приехал в родное село, навестил на кладбище могилы родителей, дедов... Там и остался навсегда.

В последний раз я видел поэта утром 10 мая 1957 года в Чувашшизе. Он вместе с Алендеем собирался в Кувшинку — отдохнуть там и поработать.

В Малеевку пришло еще одно письмо, в котором сообщалось о смерти Митты — от поэта А. Галкина:

«Нестерпимо грустно и тяжело! Как трудно поверить! Василий Митта поехал в родную деревню и скоропостижно скончался. Вчера туда выехали Хури и Ильбек. Ты, наверное, и не поверишь, потому как все это страшно и неожиданно. Кто бы мог подумать, что непрощенная смерть так скоро разлучит нас с Миттой!»

К сожалению, я не смог принять участие в похоронах любимого поэта, человека, которого я уважал больше всех на свете. Уже позже, стоя у могилы, я мысленно говорил ему: «Можешь спать спокойно, дорогой друг. Подрастают новые таланты. Твое дело есть кому продолжить. И пока жив чуваш, твоё имя, твои стихи будут жить».

СПУТНИЦА ПОЭТА

Если я не вспомню добрым словом жену Василия Егоровича Нонну Кирилловну, трудолюбивую и скромную женщину, хлебнувшую сполна бед и горя, то в моей книге не будет хватать одной из главных страниц жизни поэта. Вот как вспоминала Нонна Кирилловна о первой встрече с Василием Егоровичем:

«Моя мама была воспитанницей известной чувашской школы И.Я. Яковлева. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, она отвезла меня в Ульяновск, в этот же педагогический техникум. В столовой техникума мама заговорила с худощавым пареньком, одетым в бордовую рубашку и

синие домотканые шаровары. Разговор шел, насколько я помню, о школе и об учителях. Юноша оказался родом из Первомайского района, а мама хорошо знала многих учителей, работающих в тех краях. Василий тоже запомнил нашу первую встречу. Он частенько вспоминал ее и говорил:

В. Митта с женой среди родственников.
Третий слева во втором ряду —
Вингер Митта. Фото 1956 г.

«Разве могло тогда придти в голову, что эта девочка станет моей женой...» Все в ту пору жили трудно. Стипендия у учащихся была всего десять рублей, но с первых же дней учебы половину этой суммы Василий ежемесячно высылал беднякам-родителям в деревню... Василий в моей жизни как яркая звезда, просиял и угас. Хоть и немного мы с ним вместе побыли, но это самые счастливые годы моей жизни».

Мне всегда становится грустно, когда я вспоминаю одно стихотворение из поэмы Василия Егоровича «Таэр». Оно вроде бы и не посвящено Нонне Кирилловне. Тем не менее, я думаю, параллели между образом лирического героя и собственной судьбой автора и его любимой здесь несомненны.

*Сквозь звезду виднеется путь,
Сквозь слезы виден день...
(Из народной песни)*

*Крыло мое, мы летаем
Теперь уже розно. Не плачь!
Мой путь — сквозь звезду — нескончаем,
И день мой — сквозь слезы — незряч.*

*Нас примет метелица щиро,
Нас холод проймет до кости.
Мерцает медаль конвоира.
Не даст она сбиться с пути...*

*Спасибо, что век Сармандея
О нас порадел, и сполна!
Прощай же! Торопят скорее...
Быть может, навеки, жена!..*

(Пер. И. Купца)

И еще мне хочется вспомнить об одной достопримечательности дома Митты. На подоконнике в комнате жены поэта всегда, сколько я помню, стоял большой цветок с широкими резными листьями и воздушными корнями. Я как-то поинтересовался, что это за цветок, и услышал от Нонны Кирилловны романтическую историю появления в семье этого красавца: «Моя мама, будучи ученицей чувашской школы, была любимицей жены И.Я. Яковлева. Екатерина Алексеевна частенько зазывала ее к себе домой на чашку чая. Уютный дом Яковлевых был на редкость гостеприимным. И был полон самых разных цветов. Там и заприметила мама эту монстеру. С тех пор мы по сей день бережно сохраняем в доме это необыкновенное растение. Яковлевская монстера красуется и в московской квартире старшей дочери Нарспи, и в вестибюле здания, где работала младшая дочь Илемби».

КАТТИС МИШШИ

Каттис Мишши был большим другом семьи Митты. Жизнь его была нелегка. Мишша с детства был слепым, но никогда не пенял на судьбу. В молодости он научился играть на скрипке и часто радовал сельчан замечательными мелодиями. «Хоть день и ночь слушай его песни, все равно не опустеет песенный кошель Мишши», — говорили о музыканте арабузинцы. Слепой скрипач был самым почетным гостем на всех свадьбах и праздниках.

Василий Егорович поражался оптимизму и творческой неумности Мишши. Мишша хранил в памяти множество давно забытых чувашских мелодий и песен.

По возвращении из ссылки Митта был рад тому, что прошедшие годы ничуть не изменили Мишши. Когда поэту удавалось приехать в родное село, он непременно виделся с ним. Как-то незадолго до смерти

Митта сказал жене: «Нонна, в следующую поездку надо отвезти Каттису новую скрипку». Жаль, внезапная смерть не позволила Василию Егоровичу осуществить многие его мечты...

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ

10 июня 1958 года. Годовщина смерти Василия Егоровича. Председатель правления Союза чувашских писателей Алексей Талвир, я и Нонна Кирилловна со старшей дочерью Нарспи выехали в Арабузи на могилу Митты. В дороге, конечно же, предались воспоминаниям. Алексей Талвир, учившийся в школе вместе с Василием Егоровичем, тоже стал вспоминать: «Митта словно был сделан из серебра. Очень красивый. Прирожденный оратор. В школе под его началом выпускался рукописный журнал «Пламя». Наши первые произведения написаны для этого журнала. Василий для меня был непосредственным литературным наставником. Я поражаюсь его бесконечной даровитости. Уже в те годы он был широко образован и старался приобщить нас, своих сверстников, к чтению классической поэзии. Очень любил Пушкина, а из чувашских поэтов особо выделял Константина Иванова. Его стихотворение «В разуме поэзии есть три источника силы...» и поныне звучит как манифест поэтов».

И вот мы на деревенском кладбище. Собралось много людей, и не только из самих Арабузей, но и из соседних деревень. Первым взял слово А.Талвир. Он поблагодарил всех, кто собрался почтить память Василия Егоровича и заверил, что писатели сделают все от них зависящее, чтобы светлая поэзия Митты навеки осталась в памяти народа. А я прочитал стихи:

*Мой друг, мой сосед из родного села!
Судьба нас сегодня вновь вместе свела.
И поводов мало ль для дружеских встреч?!
Но я не о том поведу мою речь.*

Первый (временный) памятник на могиле В. Митты. Фото 1957 г.

С тех пор, как покинул навек нас Митта,
В душе моей словно зияет дыра.
Сегодня с тобою мы — только вдвоем
В честь друга на скатерть из чарок плеснем,
Проводим вечернего солнца лучи.
Стареем. Седеем. И что ж? Помолчим...
— А в праздник наш Симек хорош хоровод.
Чью песню он так задушевно поет?
— Взлетает до неба на крыльях мечты
Задорная песня Васyleя Митты!
Любил он приволье чувашских полей,
Деревню, дороги и пух тополей...
Мы слушаем двое, как в темной ночи
Бессмертное сердце поэта стучит.

(Пер. В. Безрукова)

Когда с надгробного камня сняли белое покрывало, перед нашими глазами предстала скромная надпись — прощальные слова поэта:

Пусть почести и славы мне не знать:
Когда меня вспомнят хоть одною
Из многих песен, выстрадавших мною,
В земле родной мне не на что роптать.

(Пер. П. Хузангая)

«БУДУЩЕЕ — ОНО КАК СОЛНЦЕ...»

Время летит быстро. Но имя Митты по-прежнему живет в наших сердцах. Интерес к его творчеству растет из года в год. К 70-летию поэта односельчане назвали одну из улиц его именем. По инициативе Батыревского союза молодежи создан фонд Васyleя Митты, теперь уже обретший статус международного. Ежегодно премия имени Митты присуждается за незаурядные достижения в области литературы и искусства. Но основной задачей фонда является пропаганда творчества Василия Егоровича. Благодаря большой работе, проделанной народным поэтом Чувашии Геннадием Айги, имя чувашского поэта стало известно далеко за пределами республики. Стихи нашего земляка переведены на итальянский, французский, немецкий, венгерский и другие языки.

В 1988 году на родине поэта вместе с Геннадий Айги побывал французский ученый и поэт Леон Робель. Он взял с собой во Францию горсть земли с могилы нашего Митты. Причем, как пишет Геннадий Айги, «вернувшись домой, Леон Робель не только сдержал свое обещание — возложил землю с могилы Васyleя Митты на могилу Бодлера, но и смог придать церемонии характер

В. Давыдов-Анатори, Н. Еремеева-Митта,
М. Давыдова. Фото 1986 г.

ритуала международного значения. В день возложения на кладбище пришли видные литераторы, среди которых были такие выдающиеся писатели, как Жак Рубо, Поль Луи Росси, Пьер Ларш, японская поэтесса Комико. Были на кладбище Монпарнас и представители Сорбонны и журналисты из французских литературных изданий. Стихи Митты звучали на чувашском, русском, французском и японском языках. А мне припомнились строки стихотворения, написанного мной еще в 1962 году:

*Я знаю, что есть и двойник погребенья
есть место, где лишь острова — двойники:
чистого первого — чистого третьего,
чистого вечного — чистого поля.*

Думаю, что Васyleй Митта — один из немногих поэтов, сумевших обессмертить свое имя не только потому, что писал чудесные стихи, но и потому, что он являл собой образ высоконравственной, глубоко порядочной личности».

Я сел писать воспоминания. Но так получилось, что в текст постоянно вкрапчивалась и память о Василии Егоровиче других людей. Да и как иначе? Человек жив людьми. Что о нас помнят спустя годы — такие мы, наверное, и есть или были на самом деле. Хочу завершить свой рассказ отрывком из письма Михаила Алексева. Когда-то Михаил Андреевич отбывал срок в Унженском лагере вместе с Василием

Егоровичем. Ныне он заслуженный учитель СССР, кавалер ордена Ленина. Вот что он писал Нонне Кирилловне:

«Известия о торжествах в Чебоксарах в связи с 80-летием со дня рождения Василия Егоровича меня обрадовали и тронули до глубины души. Отныне, я полагаю, имя Митты будет золотыми буквами вписано в историю чувашского народа, и все новые и новые поколения людей будут гордиться этим именем...

Даже находясь в невыносимых, нечеловеческих условиях, Василий Егорович никогда не терял чувства человеческого достоинства, в любых обстоятельствах оставался Человеком. Помню, после каторжного труда на лесоповале, голодные и измученные, мы собирались возле его койки, как вокруг теплой печи, и слушали рассказы, полные юмора и оптимизма. Даже уголовники его не трогали. Видимо, и они чувствовали не только его интеллектуальное превосходство, но и необыкновенную внутреннюю силу. Свои переживания Василий никогда внешне не обнаруживал. Лицо его всегда освещала благородная улыбка. Меня и товарищей бесконечно поддерживало то, что среди нас есть такой сильный человек. Вот подлинные его слова: «Будущее — оно как солнце, которое непременно взойдет, и оно будет и у нас. Только не надо падать духом».

1964—1974, 1988 гг.

20.09

Василий Иванович Давыдов-Анатри
Митта в моей памяти
Повесть-воспоминание

Перевод с чувашского Илемби Митта
Подготовка к публикации Ирины Митта

Подписано в печать 04.04.2003.
Отпечатано с готовых файлов
© И.И.Иноземцев. тел. 43 05 29
Тираж 100 экз.

